

Тексты к курсу.

Л.Филатов. Пушкин.

Тает желтый воск свечи,
Стынет крепкий чай в стакане,
Где-то там, в седой ночи,
Едут пьяные цыгане

Полно, слышишь этот смех
Полно, что ты, в самом деле?
Самый белый в мире снег
Выпал в день твоей дуэли

Знаешь, где-то там вдали,
В светлом серпантинном зале
Молча встала Натали
С удивленными глазами

В этой пляшущей толпе
В центре праздничного зала
Будто свечка по тебе,
Эта женщина стояла

Встала и белым бела
Разом руки уронила
Значит, все-таки, была,
Значит, все-таки, любила!

Друг мой, вот вам старый плед
Друг мой, вот вам чаша с пуншем
Пушкин, Вам за тридцать лет
Вы совсем мальчишка, Пушкин!

Тает желтый воск свечи,
Стынет крепкий чай в стакане,
Где-то там, в седой ночи,
Едут пьяные цыгане

Анна Ахматова

Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть?

XXX

Смуглый отрок бродил по аллеям
У озерных глухих берегов.
И столетие мы лелеем

Еле слышный шелест шагов.

Иглы елей густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И разорванный том Парни.

Игорь Северянин

Есть имена, как солнце! Имена —
Как музыка! Как яблоня в расцвете!
Я говорю о Пушкине: поэте,
Действительном, в любые времена!

Но понимает ли моя страна —
Все эти старцы, юноши и дети, —
Как затруднительно сказать в сонете
О том, кем вся душа моя полна?

Его хвалить! — пугаюсь повторений...
Могу ли запах передать сирени?
Могу ль рукою облачко поймать?

Убив его, кому все наши вздохи?
Дантес убил мысль русскую эпохи,
И это следовало бы понять...

Есенин. Пушкину.

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.

Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

1924

Берестов. Пушкиноведение.

Чего не знал великий Пушкин?
Не знал он ни одной частушки,
Не видел ни одной матрёшки
В их лакированной одежке.
Берёзу символом Руси
Не звал он, Боже упаси.
Она при нём для этой роли
Не подходила. Ей пороли.

Окуджава. На фоне Пушкина.

На фоне Пушкина снимается семейство.
Фотограф щелкает и птичка вылетает
Фотограф щелкает, но вот что интересно -
На фоне Пушкина, и птичка вылетает.
На фоне Пушкина, и птичка вылетает.

Все счета кончены и кончены все споры,
Тверская улица течет куда не знает,
Какие женщины на нас бросают взоры,
И улыбаются, и птичка вылетает.

Мы будем счастливы - благодаренье снимку,
Пусть жизнь короткая проносится и тает.
На веки вечные мы все теперь в обнимку.
На фоне Пушкина, и птичка вылетает.

На фоне Пушкина снимается семейство.
Как обаятельны, для тех, кто понимает,
Все наши глупости, и мелкие злодейства,
На фоне Пушкина, и птичка вылетает.

Александр Сергеевичу хорошо!

Ему прекрасно!

Гудит мельничное колесо,
боль угасла,

баба щурится из избы,
в небе - жаворонки,

только десять минут езды
до ближней ярмарки.

У него ремесло - первый сорт,
и перо остро...

Он губаст и учен, как черт,
и все ему просто:

жил в Одессе, бывал в Крыму,
ездил в карете,
деньги в долг давали ему
до самой смерти.

Очень вежливы и тихи,
делами замученные,
жандармы его стихи
на память заучивали!

Даже царь приглашал его в дом,
желая при этом
потрепаться о том о сем
с таким поэтом.

Он красивых женщин любил
любовью не чинной,
и даже убит он был
красивым мужчиной.

Он умел бумагу марать
под треск свечки!
Ему было за что умирать
у Черной речки.

1967

Геннадий Шпаликов. Три посвящения Пушкину.

Люблю Державинские оды,
Сквозь трудный стих блеснет строка,
Как дева юная легка,
Полна отваги и свободы.

Как блеск звезды, как дым костра,
Вошла ты в русский стих беспечно,
Шутя, играя и навечно,
О легкость, мудрости сестра.

См. Державин и Пушкин.

Влетел на свет осенний жук,
 В стекло ударился, как птица,
 Да здравствуют дома, где нас сегодня ждут,
 Я счастлив собираться, торопиться.

Там на столе грибы и пироги,
 Серебряные рюмки и настойки,
 Ударит час, и трезвости враги
 Придут сюда для дружеской попойки.

Редает круг друзей, но – позови,
 Давай поговорим как лицеисты
 О Шиллере, о славе, о любви,
 О женщинах – возвышенно и чисто.

Воспоминаний сомкнуты ряды,
 Они стоят, готовые к атаке,
 И вот уж Патриаршие пруды
 Идут ко мне в осеннем полумраке.

О собеседник подневольный мой,
 Я, как и ты, сегодня подневолен,
 Ты невпопад кивай мне головой,
 И я растроган буду и доволен.

Ноябрь 1963

Вот человеческий удел –
 Проснуться в комнате старинной,
 Почувствовать себя Ариной,
 Печальной няней не у дел.

Которой был барчук доверен
 В селе Михайловском пустом,
 И прадеда опальный дом
 Шагами быстрыми обмерен.

Когда он ходит ввечеру,
 Не прадед, Аннибал-правитель,
 А первый русский сочинитель
 И – не касается к перу.

1963

Я поднимаюсь по белой дороге,
 Пыльной, звенящей, крутой.

Не устают мои легкие ноги
Выситься над высотой.

Слева — крутая спина Аю-Дага,
Синяя бездна — окрест.
Я вспоминаю курчавого мага
Этих лирических мест.

Вижу его на дороге и в гроте...
Смуглую руку у лба...
— Точно стеклянная на повороте
Продребезжала арба... —

Запах — из детства — какого-то дыма
Или каких-то племен...
Очарование прежнего Крыма
Пушкинских милых времен.

Пушкин! — Ты знал бы по первому взору,
Кто у тебя на пути.
И просиял бы, и под руку в гору
Не предложил мне идти.

Не опираясь о смуглую руку,
Я говорила б, идя,
Как глубоко презираю науку
И отвергаю вождя,

Как я люблю имена и знамена,
Волосы и голоса,
Старые вина и старые троны,
— Каждого встречного пса! —

Полуулыбки в ответ на вопросы,
И молодых королей...
Как я люблю огонек папиросы
В бархатной чаще аллея,

Комедиантов и звон тамбурина,
Золото и серебро,
Неповторимое имя: Марина,
Байрона и болеро,

Ладанки, карты, флаконы и свечи,
Запах кочевий и шуб,
Лживые, в душу идущие, речи
Очаровательных губ.

Эти слова: никогда и навеки,
За колесом — колею...
Смуглые руки и синие реки,
— Ах, — Мариулу твою! —

Треск барабана — мундир властелина —
Окна дворцов и карет,
Рощи в сияющей пасти камина,
Красные звезды ракет...

Вечное сердце свое и служенье
Только ему, Королю!
Сердце свое и свое отраженье
В зеркале... — Как я люблю...

Кончено... — Я бы уж не говорила,
Я посмотрела бы вниз...
Вы бы молчали, так грустно, так мило
Тонкий обняв кипарис.

Мы помолчали бы оба — не так ли? —
Глядя, как где-то у ног,
В милой какой-нибудь маленькой сакле
Первый блеснул огонек.

И — потому что от худшей печали
Шаг — и не больше — к игре! —
Мы рассмеялись бы и побежали
За руку вниз по горе.

1 октября 1913

Давид Самойлов. Болдинская осень.

Везде холера, всюду карантинны,
И отпущенья вскорости не жди.
А перед ним пространные картины
И в скудных окнах долгие дожди.

Но почему-то сны его воздушны,
И словно в детстве - бормотанье, вздор.
И почему-то рифмы простодушны,
И мысль ему любая не в укор.

Какая мудрость в каждом сочлененьи
Согласной с гласной! Есть ли в том
 корысть!
И кто придумал это сочиненье!
Какая это радость - перья грызть!

Быть, хоть ненадолго, с собой в
согласье
И поражаться своему уму!
Кому б прочесть - Анисье иль Настасье?
Ей-богу, Пушкин, все равно кому!

И за полночь пиши, и спи за полдень,
И будь счастлив, и бормочи во сне!
Благодаренье богу - ты свободен -
В России, в Болдине, в карантине...
В третьем тысячелетье
Автор повести
О позднем Предхиросимье
Позволит себе для спрессовки сюжета
Небольшие сдвиги во времени –
Лет на сто или на двести.

В его повести
Пушкин
Поедет во дворец
В серебристом автомобиле
С крепостным шофёром Савельичем.

За креслом Петра Великого
Будет стоять седой арап Ганнибал –
Негатив постаревшего Пушкина.
Царь в лиловом кафтане
С брызнувшим из рукава
Голландским кружевом
Примет поэта, чтобы дать направление
Образу бунтовщика Пугачёва.

Он предложит Пушкину виски с содовой,
И тот не откажется,
Несмотря на покашливание
Старого эфиопа.

– Что же ты, мин херц? –
Скажет царь,
Пяля рыжий зрачок
И подёргивая левой щекой.
– Вот моё последнее творение,
Государь. –
И Пушкин протянет Петру
Стихи, начинающиеся словами
«На берегу пустынных волн...».

Скажет царь,
Пробежав начало:
– Пишешь недурно,
Ведёшь себя дурно.

И, снова прицелив в поэта рыжий зрачок,
Добавит: – Ужо тебе!..

Он отпустит Пушкина жестом,
И тот, курчавясь, выскочит из кабинета
И легко пролетит
По паркетам смежного зала,
Чуть кивнувши Дантесу,
Дежурному офицеру.

– Шаркуны, ваше величество, –
Гортанно произнесёт эфиоп
Вслед белокурому внуку
И вдруг улыбнётся,
Показывая крепкие зубы
Цвета слоновой кости.

Читатели третьего тысячелетия
Откроют повесть
С тем же отрешённым вниманием,
С каким мы
Рассматриваем евангельские сюжеты
Мастеров Возрождения,
Где за плечами гладковолосых мадонн
В итальянских окнах
Открываются тосканские рощи,
А святой Иосиф
Придерживает стареющей рукой
Вечереющие складки флорентинского
плаща.

1973

Александр Блок.
Пушкинскому дому.
Имя Пушкинского Дома
В Академии наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это – звоны ледохода
На торжественной реке,
Перекличка парохода
С пароходом вдалеке,

Это – древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне.

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,

Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук
Имя Пушкинского Дома
В Академии наук.

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

1921

К тебе зашел согреть я душу;
Но ты теперь, быть может, Грушу
К неистойвой груди прижал
И от восторга стиснул зубы,
Иль Оленьку целуешь в губы
И кудри Хлои разметал;
Или с прелестной бледной Лилой
Сидишь и в сладостных глазах,
В ее улыбке томной, милой,
Во всех задумчивых чертах
Ее печальный рок читаешь
И бури сердца забываешь
В ее тоске, в ее слезах.
Мечтою легкой за тобою
Моя душа унесена
И, сладострастия полна,
Целует Олю, Лилу, Хлою!

А тело между тем сидит,
Сидит и мерзнет на досуге:
Там ветер за дверьми свистит,
Там пляшет снег в холодной вьюге;
Здесь не тепло; но мысль о друге,
О страстном, пламенном певце,
Меня ужели не согреет?
Ужели жар не проалет
На голубом моем лице?
Нет! над бумагой костенеет
Стихотворящая рука...
Итак, прощайте вы, пенаты
Сей братской, но не теплой хаты,
Сего святого уголка,
Где сыну огненного Феба,
Любимцу, избраннику неба,
Не нужно дров, ни камелька;
Но где поэт обыкновенный,
Своим плащом непокровенный,
И с бедной Музой бы замерз,
Заснул бы от сей жизни тленной
И очи, в рай перенесенный,
Для вечной радости отверз!
Вильгельм Кюхельбекер, 1819 (?)

Памятник [Пушкину](#)

«...И Пушкин падает
в голубоватый колючий снег.»
[/Багрицкий/](#)

...И тишина
и более ни слова.
Да ещё усталость.
...Свои стихи
доканчивая кровью,
они на землю глухо опускались.
Потом глядели медленно и нежно.
Им было дико, холодно
и странно.
Над ними наклонялись безнадежно
седые докторá и секунданты.
Над ними звёзды, вздрагивая,

пели.

Над ними останавливались ветры...

Пустой бульвар,

И памятник поэту.

И пение метели.

И голова опущена устало.

В такую ночь

ворочаться в постели

приятней, чем стоять

на пьедестале.

Лев Лосев. Пушкинские места.

День, вечер, одеванье, раздеванье –
все на виду.

Где назначались тайные свиданья –
в лесу? в саду?

Под кустиком в виду мышинной норки?
a la gitane?

В коляске, натянув на окна шторы?
но как же там?

Как многолюден этот край пустынный!

Укрылся – глядь,
в саду мужик гуляет с хворостиной,
на речке бабы заняты холстиной,
голубка дряхлая с утра торчит в гостинной,
не дремлет, ах!

О где найти пределы потаенны
на день? на ночь?

Где шпильки вынуть? скинуть панталоны?
где – юбку прочь?

Где не спугнет размеренного счастья
внезапный стук

и хамская ухмылка соучастья
на рожах слуг?

Деревня, говоришь, уединенье?

Нет, брат, шалишь.

Не оттого ли чудное мгновенье
мгновенье лишь?

Э.Багрицкий. 1924

..И Пушкин падает в голубоватый
Колочий снег. Он знает — здесь конец...
Недаром в кровь его влетел крылатый,
Безжалостный и жалящий свинец.
Кровь на рубахе... Полость меховая
Откинута. Полозья дребезжат.
Леса и снег и скука путевая,
Возок уносится назад, назад...
Он дремлет, Пушкин. Вспоминает снова
То, что влюбленному забыть нельзя,-
Рассыпанные кудри Гончаровой
И тихие медовые глаза.
Случайный ветер не разгонит скуку,
В пустынной хвое замирает край...
...Наемника безжалостную руку
Наводит на поэта Николай!
Он здесь, жандарм! Он из-за хвой леса
Следит — упорно, взведены ль курки,
Глядят на узкий пистолет Дантеса
Его тупые, скользкие зрачки...
И мне ли, выученному, как надо
Писать стихи и из винтовки бить,
Певца убийцам не найти награду,
За кровь пролитую не отомстить?
Я мстил за Пушкина под Перекопом,
Я Пушкина через Урал пронес,
Я с Пушкиным шатался по окопам,
Покрытый вшами, голоден и бос.
И сердце колотилось безотчетно,
И вольный пламень в сердце закипал
И в свисте пуль за песней пулеметной
Я вдохновенно Пушкина читал!
Идут года дорогой неуклонной,
Клокочет в сердце песенный порыв...
...Цветет весна — и Пушкин отомщенный
Все так же сладостно-вольнолюбив.

Т. Кибиров. Рождественская песнь квартиранта

Рождественская песнь квартиранта

Дхнул Борей во мраке ночи.
В льдяных ризах бледны рощи.
Мраз тепло похитить хочет.
Мещет искры снег.

Тише, тише, спи, Милена,

Не кручинься, драгоценна,
Прелестьми твоими плененный
Я на ложе нег.

Спи, Милена, спи, драгая,
Не гляди сквозь слез, вздыхая,
Вся натура засыпает.
Спи, дитя утех.

Нам завтра разлучаться.
Спи, Лилета, может статься,
Не встречаться ввек.
Судьбы нам велют расстаться,
Спи, сестрица нежных граций.
Ах, наш срок истек!

Млеко с розами на лице,
Игры, смехи, сладки миги,
Для чего красой толикой
Ты меня даришь?

Для чего очес блистанье,
Дивных персей трепетанье,
Если ясно нам заране –
Все мгновенье лишь?

О престань, престань, Лилета!
Спи, лобзаннями согрета,
Люту грусть утишь!..
Чу, сирена воет где-то,
Но уже ты спишь...

Два призрака одинаких,
Смерть и Время, дщери Мрака,
Чрез окно вперили зраки
Прямо в нас с тобой!

О, коль страшен глас Эреба!
О, коль хладны своды неба!...
К Преломляющему Хлебы
Я припал душой!

Преломляющего Хлебы
Я молю иного неба
И земли иной!

Но уже скребет татарин
В льдяных ризах тротуары.
Гимн по радио ударил
За моей спиной.

Спишь ,сопишь, моя Милена,

Одеялом облачена,
Членами со мной сплетена,
Ангел мой златой!

Лифт уже во тьме грохочет.
На исходе этой ночи
Я смыкаю злые очи.
Хватит, Бог с тобой!

Полно плакать и бояться,
Лучше снова лобызаться,
Нежной страсти предаваться
Станем вновь с тобой!

Хватит нам с тобою хлеба,
Хватит ледяного неба
И матраца на потребу
Слабости земной!

И одной моей подушки,
Теплой заячьей норушки,
Спрячь под одеяло ушки.
Видишь – свет какой!

В Кане Галилейской Пушкин
С бакенбардами и кружкой
Средь гостей сидит!
И такое молвит слово,
Так он говорит:

Выпейте вина живого
Из подвалов Всеблагого
И не бойтесь ничего!
В брачные одежды снова
Облекитесь, что ж такого?
Положитесь на Него!

Вся натура тихо дремлет.
Смерть ее крылом объемлет.
Время хладное в сем мире
Надо всем царит.
Но пиита снова внемлет
Гласу ангельскому, сиречь
Пенью аонид!

Как тепло на сей подушке
Со любезною подружкой,
То угодник Божий – Пушкин –
Ай да сукин сын!
Нам протягивает кружку
Драгоценных вин!

И вотще Борей ярится –
В горло сжатое струиться
Обращенная водица
Светлых Именин!